Глава 06. Откровения и состязания.

Шло время. Дни складывались в недели, и вскоре можно было с уверенностью сказать, что банда стала походить на настоящий отряд. До боевых кводов Кристальной Гвардии ему было, конечно, далеко, но Спектру с юности приучали довольствоваться тем что есть и не мечтать о несбыточном.

Теперь же предстояло создать то, что впоследствии станет главной ударной силой. Настоящей народной армией, с которой будет вынужден считаться шериф и его банда.

К счастью, начало удалось положить быстро: Радужный Рыцарь постепенно становился символом сопротивления чуть ли не больше, чем Робин Хуф. И если последний олицетворял щедрость и справедливость, то Спектра – силу и храбрость.

Имперский гвардеец не тешила себя надеждой, что сможет обучить всех. Поэтому она переписала и раздала программы подготовки бойцов Кристальной Империи, адаптировав их для более простого понимания, после чего оставалось только периодически наведываться в деревни с проверками боевых навыков.

И, хотя пока картинка складывалась не очень радостная, начало было положено...

...Когда очередные отобранные у сборщиков непомерные подати были возвращены, Спектра поразилась, насколько переменилось и настроение ранее угрюмых, неприветливых крестьян.

Восторженные пони, теперь куда больше походившие на счастливых жителей Кристальной Империи, окружили небольшой отряд. Робин Хуф, похоже, вошел в роль: принимал благодарности и поздравления, обворожительно улыбался (особенно молодым кобылицам), без конца сталкивал копыта в брохуфе с мужественными жеребцами.

Свити Грейп при этом стояла рядом, будто опасаясь большого скопления пони. Впрочем, возможно так и было. Крошке Шейду во время походов в деревни всегда поручали Дарк Дестроера. Тот же, не мудрствуя лукаво, утаскивал фестрала в общество жеребят, и добродушный гигант быстро становился всеобщей игрушкой. Черный же пегасенок все время травил байки о своих «подвигах» или же просто участвовал в очередной развязанной бузе. Зачастую, закрученной вокруг Крошки Шейда, который лишь благодушно улыбался, наблюдая за крутящимися вокруг жеребятами.

Спектра, которую одолевали некоторые вопросы, обратилась к двум кобылам, что бурно обсуждали судьбу возвращенных битов. По словам одной, теперь можно было заменить плуг мужу на поле, а вторая хотела купить жеребенку теплые сапожки на зиму.

- Простите меня, - обратилась к ним Спектра. - Вы можете кое-что объяснить чужестранке?

- Конечно, леди Радужный Рыцарь, - заулыбалась первая кобылица, бежевая с синей гривой.

- Что угодно для наших благодетелей, - добавила вторая земнопони, вся бледно-зеленая, лишь в гриве было несколько белых прядей.

- Что такое «Манифестация Голодного Леса»?

Выражение мордочек кобылиц сразу изменилось. Удивление и испуг стерли дружелюбные улыбки, и пони даже сделали инстинктивную попытку прижаться друг к дружке.

- О, миледи, как такое говорить рядом с лесом! – прошептала одна.

- Пресвятая Селестия, спаси и сохрани! – вторая осенила себя знаком Солнца.

- Но я только... – начала было Спектра, но кобылы быстро разошлись в разные стороны, опасливо оглядываясь на лес.

Она предприняла еще несколько попыток узнать что-то о таинственной Манифестации, но пони только пугались и шептали молитвы Селестии. А одна вообще горько разрыдалась и убежала в дом, носивший следы легкого обветшания, будто за ним некому было следить.

В конце концов, Спектра добилась лишь того, что вокруг нее образовалось пустое пространство.

Мысленно плюнув, она заметила, что какая-то пожилая сиреневая кобыла подошла к Свити Грейп. Пьянчужка не сразу обратила внимания на кутающуюся в серую накидку старушку, но та подергала за полу мантии, привлекая внимание.

- Дочка, - сказала пожилая кобыла, с надеждой глядя в мутные от алкоголя глаза, - скажи, ты не знала случайно Олив Арборет?

Розовая пони только вопросительно икнула и снова приложилась к фляжке, а Спектра раздраженно подумала, что в такой момент можно было и не пить.

Она захотела сказать об этом Свити и подошла поближе. Пожилая пони тем временем продолжила:

- Она носила такую же одежду как и ты. И несколько лет назад сказала, что идет в дальние страны по какому-то важному делу с Преподобным... как его там...

Фляжка выпала из кинетического поля Свити и со стуком упала на землю.

Розовая единорожка мгновение смотрела на собеседницу округлившимися глазами, после чего вдруг резко развернулась и поскакала прочь, к лесу, снова подхватив емкость с выпивкой.

- Моя Олив... - растерянно проговорила сиреневая пони, глядя вслед.

- Простите меня, - извинилась Спектра и поспешила вслед за Свити Грейп.

Положа копыто на сердце, ей не нравилось, как Робин Хуф быстро изменил свое мнение касательно раздачи награбленного, но здесь, похоже, вопрос был куда глубже, чем казалось изначально.

Свити Грейп оказалось просто найти. Добежав до кустов опушки, розовая пони улеглась там, вздрагивая от сдавленных рыданий и даже чаще обычного прикладываясь к фляге.

Вскоре Свити, швырнув посудину об землю, просто уткнулась мордочкой в передние ноги, зайдясь в беззвучном плаче.

Спектра осторожно приблизилась и села рядом, положив копыто на прикрытую мантией спину.

- Свити, - позвала она, и встретилась взглядом с мокрыми и мутными глазами. - Расскажи мне, что случилось?

Она тут же пожалела о своей просьбе, потому что единорожка с новой силой разрыдалась, уже не сдерживая себя...

Спектра стала успокаивающе поглаживать пони по гриве, и это, как ни странно, возымело действие.

- Я в порядке, - глухо проговорила Свити через какое-то время, высморкавшись в мокрый насквозь платок, - просто... просто...

- Кто такая Олив Арборет? - спросила Спектра. - Она обидела тебя?

Свити горько усмехнулась.

- Кто? Малышка Олив? Тихоня-Олив? Эта маргаритка не могла никого обидеть...

- Кто она?

Единорожка отвернулась и только вздохнула, не ответив. Через некоторое время Спектра позвала:

- Свити?

- Чего?

- Я никогда раньше не встречала подобных одежд среди служителей Селестии. Можешь рассказать? Почему та кобыла узнала твою мантию?

Пони снова подняла магией свою фляжку, но не донесла до рта.

- А, сено... ладно. Орден Миссионеров Селестии Милосердной. Мы отправлялись в дальние земли, чтобы нести соседним народам магию дружбы. Когда отправлялся наш корабль-монастырь, о, как же нас провожали... Оркестры и утирающие слезы умиления пони... Отважные монахи и кроткие монахини, все с солнцами на одежде... – фляга все же достигла цели, и Свити сделала несколько больших глотков. - Мы долго плыли, и Длинная Ночь Войны Сестер застала нас в пути. Но преподобный Холимэйн вдохновлял нас проповедями всю дорогу, и мы сами стали будто светочем во тьме... Потом снова взошло солнце, и через какое-то время корабль пристал в рыбацкой деревушке далекой западной страны, где обитают свины... Они едят рыбу, представляешь? И это даже вкусно. Правда, потом живот мутит... О чем это я?.. А, точно. Местному варбоссу не понравилась наша веселая песня-проповедь об Эквестрии, где всем всего вдоволь, где нет вражды, нет угнетателей... Он привел своих боевых кабанов, и велел перебить и миссионеров, и всех, кто их слушал...

- О, Селестия, - выдохнула Спектра, забывшись и помянув эквестрийскую богиню.

Взгляд затуманенных глаз поднялся на кристальную пони. Голос бывшей миссионерки похолодел:

- О нет. Селестии там не было. Я видела, как они все гибли, один за другим. Как тонул в бухте горящий корабль-монастырь вместе с Преподобным на борту. Как полыхала

та деревня, что дала нам приют. Слышала, как кричали жители, запертые в подожженном амбаре с картошкой... Я молилась нашей принцессе, я кричала... Я могла быть пещерной пони, воющей на луну с тем же результатом...

- Как ты выжила?

Прежде, чем ответить, Свити Грейп сделала еще несколько глотков.

- Это отдельная история... Когда наступила тишина, я открыла глаза. Они стояли вокруг, и этот варбосс, Клык де ла Марк... настоящая гора из железа, жира и самодовольства... Он сказал, что оставляет меня в живых, чтобы я смогла рассказать, что ждет тех, кто будет проповедовать против власти барона Хрюконнена. «А чтобы ты лучше запомнила, - сказал этот свин, - ребята повеселятся с тобой». И он ушел...

Спектра прикрыла глаза. В том, что произошло дальше, не было никаких сомнений. Сердце сжалось от горького понимания, а на глазах показались слезы стыда и бессильного гнева.

Звуки глотков снова прервали повествование на некоторое время, но как оказалось, это все еще был не конец истории:

- А на следующий день, когда я смогла встать без посторонней помощи, я пошла к форту этого варбосса, применила магию и спалила его к дискордовой матери... Словно вернула им всем тот огонь, что поглотил нашу миссию и ту деревню с гостеприимными жителями, вся вина которых была в их доброте... Я, та, что буквально три дня назад пела свинам о любви и дружбе. Этот костер до неба до сих пор перед моими глазами... Горел, пока я брела по побережью. Горел, когда нанялась на торговое судно зебр, идущее в Эквестрию...

Взлохмаченная, грязная единорожка, когда-то розовая, а теперь не пойми какая, одетая в изорванные лохмотья, в которые превратилась нарядная мантия, неверной походкой спускается с холма... Рог сияет алым светом подобно злобной багровой звезде, и этот свет отражается в глазах пони. Грива и хвост будто бы горят огнем, но не сгорают.

Деревянный форт, в него летит клубящийся огненный шар ... Взрыв разносит стену и внутренние постройки, начинается пожар. Приземистые фигуры в угловатой броне мечутся, правда, недолго. Конус огня устремляется в пролом, превращая внутренний дворик в пылающий ад. Никто даже не успевает подхватить оружие, не то что добраться до фигурки пони, приближающейся нетвердым шагом.

Единорожка страшно кричит. Новые потоки пламени вырываются из нещадно болящего рога и обрушиваются на форт, который вспыхивает как спичечный домик.

Спустя некоторое время магический огонь гаснет, сменившись обычным пожаром, но в форте уже нет никого живого.

Начинается дождь. Чумазая, взъерошенная пони падает в остывающий пепел, под дождем постепенно превращающийся в грязь, и навзрыд плачет, задрав мордочку к грозовому небу...

- ...Неужели нет других способов избавиться от боли, Свити? – вырвал из воспоминаний голос Спектры, предпринявшую отчаянную попытку.

Закономерно обреченную на провал.

Розовая пони посмотрела на собеседницу, затем на бутылку, затем снова подняла помутневший взгляд.

- Ты их знаешь? Это было годы назад, а я до сих пор не могу спать на трезвую голову. Ко мне являются эти налитые кровью глазки варбосса, я каждую дискордову ночь возвращаюсь туда, в грязь, кровь, во власть вонючих жирных туш, что просто душат меня своим весом... каждую ночь передо мной горит огонь, а в воздухе плывет пепел и запах подгорелого бекона... Скажи мне, Спектра Блоссом, что может избавить меня от этого, кроме выпивки?

Кристальная пони опустила глаза и уши. От собственного бессилия хотелось плакать. А еще она почувствовала, как снедает жгучий стыд за недостойные мысли о том, что Свити – просто пьяница, выгнанная из монастыря...

Единорожка, убрав опустевшую флягу, закончила свой рассказ уже теряющим верность языком:

- ...и после всего... этого... я поняла, что Селестия – никакая не богиня. Потому что будь она такой, как в писании – она пришла бы на помощь. А будь она настолько жестокой, что отвернулась от такого – испепелила бы меня за те богохульства, что я кричала, сжигая форт варбанды де ла Марка. Поэтому теперь я считаю, что Селестия – просто бессмертная обманщица. И то, что ей служат такие как шериф – лишь тому подтверждение. Из-за этого обмана погибли пони, и я не могу и не хочу прощать ей этого... Невыносимо... встречать близких тех, с кем делила веру и хлеб, а потом бессильно наблюдала, как они умирают... Олив... Тихая зеленая стесняшка... Мухи не обидит... Я видела, как один из этих косорылых выродков перерезал ей горло... Как я могу рассказать об этом ее матери, как?!

По щекам Свити катились злые слезы. Спектра молчала. Да и что тут можно было сказать? Удивительно уже то, что пережившая подобное пони вообще смогла хоть как-то найти себя в этой жизни...

Имперский гвардеец улеглась рядом и обняла замолчавшую Свити Грейп. Розовая пони еще некоторое время вздрагивала от сдерживаемых рыданий, но близость Спектры и выпитый алкоголь постепенно успокоили ее. По крайней мере, с виду.

Вскоре рядом приземлился Дарк Дестроер.

- Ну чего вы тут разлеглись! – поворчал он. - Деревенские уже накрывают на стол, а вы тут обнимашкаетесь!

- А с-сидр? – спросила Свити Грейп привычным, слегка заплетающимся голосом.

- И сидр! Идемте уже!

С этими словами черный пегасик полетел обратно, а Спектра помогла единорожке подняться и спросила:

- Как ты?

- Я-то? – икнула Свити Грейп и поправила съехавший набекрень клобук. - К-как вс-сегда...

У имперского гвардейца сжалось сердце.

- Немного деревенской выпечки и кружечка сидра тебя взбодрит, - без особой надежды сказала она.

- К-кружечка?.. – усмехнулась единорожка. - Б-бочоночек, если можн...

Спектра на мгновение прикрыла глаза. Требовать теперь, чтобы пони меньше пила, у нее не повернулся бы язык. Но и смотреть, как красивая и молодая кобылка просто губит себя, как каждое утро мается жестоким похмельем, было невыносимо. И как она вновь и вновь тянется к бутылке, стремясь забыть ужас, который пережила.

Спектра никому бы не пожелала такого, да еще одновременно с крахом веры...

* * *

...Шериф Троттингемский никогда бы не подумал, что его жизнь может в одночасье превратиться в кошмар.

Шорвудский лес, раскинувшийся на многие мили и занимающий почти половину территории провинции, буквально превратился в настоящую бездну, без следа поглощающую собранные налоги и ресурсы.

С тех пор, как разбойник Робин Хуф при помощи Спектры Блоссом нагло бежал с места казни, прошло всего несколько недель. Редко какой сборщик податей, охраняемый меньше чем взводом солдат, вернулся с деньгами, а не только с позором и набитой мордой.

Пришлось унижаться до того, что запрягать в телеги профессиональных гвардейцев и транспортировать налоги по воздуху.

И то пару раз разбойникам удавалось ссадить крылатых сборщиков с неба. Будь то метко пущенная из чащобы стрела, ранившая чье-нибудь крыло, или же огромный фестрал, нападающий в открытую и способный разметать с десяток здоровенных пегасов хоть в воздухе, хоть на земле.

И что самое поганое, негодяй Робин Хуф отчего-то становился в народе все популярнее. Если раньше к нему относились как к дорожному хулигану и воришке, то за неполный месяц он превратился в настоящий символ борьбы с властью шерифа.

Властью, данной самой принцессой Селестией.

- Они думают, что могут выставить шерифа Троттингемского идиотом! – прорычал пегас, стукнув по столу копытом.

И не меньше, чем самого Робина, шериф возненавидел Спектру Блоссом. В один день она исхитрилась развести ничего не подозревающего шерифа на деньги, сорвать казнь разбойника, устроить ему побег и жестоко унизить достоинство власти в целом и шерифа в частности.

Никакой другой версии, кроме преступного замысла и сговора шериф даже не рассматривал.

Предстояло принять самые экстренные меры, пока ситуация не вышла из под контроля окончательно.

- Легенда, говоришь? – спросил шериф неизвестно у кого, и на его морде расплылась недобрая улыбка. - Что ж, сыграем в это...

* * *

...Северный Эквестрийский тракт был оживлен как никогда. Пони из всех окрестных деревень стекались, чтобы посмотреть на главное событие года, приравненное к празднику Первого урожая. Скороспелые яблоки и прочие дары садов, ранние злаки и крупы - все что только могла дать северная земля до основной страды.

Шериф Троттингемский неожиданно расщедрился для простого народа и устроил настоящий турнир среди собственных ополченцев, которых гордо именовал «рыцарями». Обещались развлечения для всех, в том числе и для простых пони. Даже для жеребят. А еще ярмарка, угощения и даже сидр.

И главное – соревнование лучников.

По крайней мере, для Робина Хуфа это было главным.

Спектра тогда почти час сотрясала воздух логическими доводами, но «воплощение легенды», согласившись для вида, сделал по-своему, когда Спектра начала тренировать банду на слаженность в бою.

Иными словами, Робин Хуф попросту удрал развлекаться, никому ничего не сказав.

Праздник проводился на огромном поле, огороженном веревками и заставленном шатрами и лотками. Шла бойкая торговля закусками и подслащенной (или подсоленной!) водой, раздавалась музыка и гул разговоров. Хотя самое большое столпотворение было вокруг стремительно пустеющих столов с бесплатными угощениями.

Положа копыто на сердце, Робин Хуф зачастую скучал по этой кутерьме в тишине Шорвудского леса. По громкой музыке, веселой праздничной болтовне, просто по большому скоплению пони. Это напоминало о том, чем раньше был Троттингем: северной столицей ярмарок - постоянный шум, веселье, соревнования...

Робин не отказал себе в удовольствии пройтись по всей территории. Купить карамельное яблоко, выпить кружку шипящего сидра, полюбоваться на представление гимнасток-земнопони. И хотя в гибкости им было далеко до той радужногривой

акробатки, но все же и они заслуживали того, чтобы восторженно потопать и кинуть пару монет в специальный ящичек.

В целом, праздник выглядел удавшимся, Робин заметил, что в глазах взрослых жителей Троттингема то и дело мелькает беспокойство. Особенно когда рядом проходят стражники, будто выискивающие кого-то в толпе. Жеребята же наслаждались незапланированным весельем с беспечной радостью, которая только и присуща беззаботному детству.

Робин же, обворожительно улыбаясь кобылицам из ополчения сквозь фальшивые усы из пакли, которые нацепил еще в лесу, прошествовал прямиком к огороженному стрельбищу.

Вскоре должно было состояться главное событие - состязание лучников.

Над полем разнесся звук фанфар, призывая собравшихся пони к тишине.

- Слушайте, слушайте! - послышались голоса герольдов, эхом вторящие друг другу. - Для простых пони, не состоящих на службе Его Милости шерифа предоставляется возможность испытать свою ловкость и умения! Соревнования лучников! Метание колец, ножей и томагавков! Для силачей состязания в бросании бревна и поднятии тяжести! Конкурс магических иллюзий! Призы! Монеты и послабления в налогах! Спешите!

Турнир проводился сразу в двух видах: на земле и в воздухе. На земле с грохотом сшибались закованные по такому случаю в полную гвардейскую броню могучие земнопони. В небе же пегасы показывали чудеса слаженного полета и трюков.

Чего все это стоило против Крошки Шейда, Робин прекрасно знал и только усмехнулся в бутафорские усы.

Вдоволь понаблюдав, как гвардейцы и ополченцы наставили друг другу шишек, Робин вышел к огороженному стрельбищу. С легким удивлением он заметил, как тот самый рыхлый грифон, что исполнял обязанности палача, оторвался от созерцания трудов художника-любителя и встал рядом. Встретившись с Робином мимолетным взглядом, грифон достал из футляра лук. Держал он его при этом странно – двумя передними лапами. Как так можно прицелиться, было и вовсе непонятно.

Робин Хуф, самодовольно ухмыляясь, натянул зубами тетиву и отпустил... Стрела воткнулась точно в десятку под восторженные крики зрителей. Тут же послышались голоса, делающие ставки.

Грифон же попал в самый край мишени и досадливо поморщился. Впрочем, с таким способом держания лука это было неудивительно.

Более старший земнопони такого же гнедого, как Робин, цвета, тоже усмехнулся, и поразил десятку, отстоящую от линии стрельбы вдвое дальше первых мишеней.

По правилам соревнований, если кто-то поражал более дальнюю мишень, то все остальные тоже должны были стрелять на такое расстояние или автоматически признавались выбывшими.

Робин вежливо кивнул и тоже спустил стрелу. Вопреки его ожиданиям, та воткнулась далеко от стрелы предшественника, хотя и не ушла «в молоко» окончательно. А вот грифон и еще несколько участников промазали, и под улюлюканье зрителей были вынуждены покинуть состязание. Кое-кто считал более интересным смотреть на досаду и ярость проигравших, чем на соревнование фаворитов.

Хозяин Шорвудского леса, нахмурившись, вновь натянул тетиву, и на этот раз снова поразил самый край мишени.

Дальнейшие соревнования проходили в том же духе. Робин хотя и не выбыл из состязаний окончательно, но занял всего лишь шестое место, ни разу не поразив «десятку» после увеличения расстояния.

В конце концов, оставшись позади почти всех фаворитов по очкам, Робин зло сунул лук в налуч и отправился прочь. Почему-то ему казалось, что будучи воплощенной легендой, он без труда всех победит. Но кьютимарка с луком вовсе не давала звание лучшего стрелка.

Земнопони даже не обратил внимания, как к победителю турнира, следопыту Пас Файндеру подошли два могучих жеребца из ополчения и будто невзначай сдавили боками.

Но в груди Робина свила гнездо глухая обида.

Он даже не сразу заметил, что прямо на выходе с поля его ждет Спектра Блоссом. По крайней мере, никто другой не стал бы ждать Робина, завернувшись с ног до головы в плащ и нетерпеливо постукивая копытом о землю.

- Ну и что это значит?! – прорычала кристальная пони. - Хотя нет, не отвечай. Ты поперся на соревнование лучников, хотя обещал этого не делать.

Робин какое-то время только молча улыбался. Спектра, сердито фыркая, ждала реакции разбойника. Она думала о том, что тот не попался единственно чудом. Было ясно как полярный день, что все это специально затеяно, чтобы выманить банду из леса. Это было в легенде про древнего Робина Хуфа. Очевидно, шериф тоже решил обратиться к первоисточникам.

- Признаться, - сказал, наконец, Робин, подходя вплотную, - мне хотелось тебя позлить. Потому что с тех пор как ты появилась, у нас минутки свободной нет. А даже шериф дает своим ополченцам и стражникам выходные. Ты же никогда меня не слушаешь и вообще не воспринимаешь всерьез...

Спектра в полнейшем отчаянии воздела очи горе и в сердцах влепила Робину Хуфу чувствительный подзатыльник. Треугольная шляпа слетела с головы, но разбойник только шире заулыбался:

- А все-таки, я тебе нравлюсь! Признай это.

- Чем ты думал? Тебя могли поймать! – проигнорировав реплику атамана, продолжила наседать Спектра.

- Шериф не узнал меня в маскировке! – парировал тот и демонстративно снял бутафорские усы, помахав ими в воздухе.

Спектра, перехватив копыто Робина, прилепила усы обратно и прошипела:

- Надень обратно, идиот! Мы еще не в лесу! – она огляделась и добавила тише. - Шериф не узнал тебя, потому что арестовал победителя, а ты занял шестое место. Он-то рассчитывал, что соревнование выиграет Робин Хуф, как в легенде.

- Я специально поддался! – нахально соврал разбойник. - Не считаешь же ты меня таким дураком?

- Я не стану отвечать на этот вопрос, - быстро проговорила кристальная пони.

Спектра с трудом удержалась от страдальческого стона. Она отбросила от мордочки цветастую челку и резюмировала:

- Жеребячий сад.

- Зато ты убедилась...

- Ни в чем я не убедилась. Как было жеребячество, так и осталось.

Робин не обиделся. Или сделал вид.

- А где остальные? – спросил он.

- Я подумала, что Крошку Шейда и Дарк Дестроера неплохо было бы отправить в гости к шерифу, пока тот занят турниром. Заодно чтобы они не увязались за мной. Еще не хватало оттаскивать их от ларьков со сладостями.

- В гости? – не понял Робин.

- Наведаться к нему в замок. Вернутся, расскажут, не хочу портить тебе впечатление. Но Дарк Дестроер был в восторге.

- А Свити?

- Свити, как всегда, пьяна до полного изумления! И я не знаю, что с этим делать.

Робин грустно вздохнул.

- Ничего тут не поделаешь, Спектра Блоссом.

- Почему ты ей позволяешь? Почему все вы, самые близкие друзья, не поддерживаете ее и потакаете этому пьянству?

В глазах разбойника вдруг мелькнула такая боль, что Спектра осеклась.

Робин тихо проговорил:

- Ты бы не задавала этот вопрос, если хотя бы один раз услышала, как она кричит во сне.

Кристальная пони почувствовала, как вдоль спины пробежал холодок.

- Мы лишь однажды спрятали от нее выпивку, - продолжил Робин, - но больше мы так не делаем... И ты не делай.

Спектра нервно сглотнула. Ее гнев улетучился, и она нашла в себе силы лишь сказать:

- Идем. Шейд и малыш уже, наверное, вернулись...

* * *

...Шериф Троттингемский поднялся к себе. Он только вернулся из допросной, откуда пришлось с извинениями отпустить лесника по имени Пас Файндер, победителя соревнования лучников.

Да, этот земнопони был похож на Робина, как родной брат: немного более темная шерсть, та же соломенная грива и даже кьютимарка в виде лука со стрелами. Но он не был Робином Хуфом, хотя и занял первое место среди лучников.

Также не попались в ловушку остальные члены банды. На турнире не было ни одного фестрала или кобылы с радужной гривой, на детском состязании по стрельбе из рогаток не появился маленький черный пегасенок. А единственная розовая единорожка на конкурсе иллюзионистов была простой ремесленницей из Троттингема и не могла создать ничего серьезнее иллюзии яблока.

Пребывающий в мрачном расположении духа Шериф воспользовался крыльями, чтобы взлететь на вершину башни. Он зачастую не пользовался дверями, влетая в открытое окно. Внутри башни была винтовая лестница, по идее, вовсе не нужная пегасу, но помощники и просители были, по большей части, земными пони или единорогами, и взлететь к вершине не могли. С другой стороны, это обеспечивало безопасность: всегда можно было упорхнуть в окно, пока недоброжелатели ковыляют по ступенькам.

Но сейчас, едва перешагнув подоконник, пегас ошеломленно замер.

Сквозняк гонял по башне бумаги. Беглый взгляд позволил установить, что когда-то это были личные дела преступников, листы гроссбухов и просто архивные свитки. Перевернутая чернильница на столе, разбросанные письменные принадлежности и бранное слово, написанное во всю стену чернилами.

Вид погрома едва не вывел шерифа из равновесия. Пегас издал сдавленный звук, сдерживая гневный крик.

От двери в приемный холл раздался услужливый голос секретаря Тайди Скрипт:

- Ваша Милость, вы здесь? Хотите кофе?.. Еще остался.

- Остался?! – прошипел шериф, поднимая взгляд на вошедшую пони.

- Да. Посетители, что заходили днем, не отказались, и я сварила им кофе.

Шериф недоуменно уставился на своего секретаря, дернув правым веком. Темно-серая единорожка с заплетенной в две толстые косы рыжей гривой была его секретарем уже очень и очень давно. Не найти было в захолустном Троттингеме более расторопной и пунктуальной пони, но с недавних пор она стала уж слишком буквально понимать должностную инструкцию.

- Ваша Милость изволили приказывать, чтобы я предлагала кофе всем, кто заходит в Ваш кабинет, - ровным голосом пояснила Тайди, подтверждая мысль шерифа. - А заходят они в дверь или в окно – на этот случай отдельных указаний не было. И на предмет личностей посетителей тоже.

- Пошла вон! – рявкнул шериф, топнув копытом.

- Слушаюсь, - единорожка поклонилась и выскользнула за дверь.

- Ну все, - прорычал пегас, подходя обратно к окну. - Это последняя капля. Алоиз!

Находящийся во дворе грифон нехотя взмахнул крыльями и подлетел к окну снаружи. Повиснув напротив, окинул взглядом кавардак и только хмыкнул.

- Не скалься, - процедил шериф. - Это была наглая диверсия. Передай в канцелярию, чтобы готовили акты взыскания долгов с поселений за Шорвудским лесом.

- С которых?

- Со всех. Если налог не доходит до казны, считать это неуплатой. Карать со всей строгостью тюремным заключением до погашения долга. Сéмьи в полном составе.

- Это поможет поймать Робина Хуфа?.. – скептически осведомился Алоиз. - Надеюсь, идея получше турнира...

- Заткнись, - огрызнулся пегас, - ты и сам там не блистал, умудрившись проиграть соревнование по стрельбе существам без рук.

Грифон сделал неопределенный жест когтистой лапой. Он на соревновании не заметил никого, напоминающего атамана разбойников и вообще считал прошедшее мероприятие дурацкой идеей. И произошедшее в кабинете шерифа только подтверждало правоту грифона.

- Лук – не мой конек, - сказал он.

Шериф вздохнул:

- Я вот смотрю на тебя, Алоиз, и, кажется, начинаю понимать, почему Шнайдер тебя безруким называл...

В глазах грифона мелькнул редкий гость – интерес:

- А как он еще меня называл?

- По-разному, - честно ответил шериф, - лети давай.

Алоиз хотел было еще что-то спросить, но перехватив взгляд пегаса, так и не решился. Когда грифон спланировал вниз, шриф подобрал с пола пару бумаг, пытаясь на глаз оценить ущерб. Поглядел на безнадежно испорченные документы, скомкал и с рычанием выбросил в угол. Пегас позвонил в колокольчик, снова вызывая Тайди. Та появилась в комнате через несколько секунд.

- Берите перо, бумагу и пишите письмо принцессе, мисс Скрипт, - с порога велел шериф.

- Селестии? – уточнила серая единорожка.

- Нет, Найтмер Мун! – саркастически проговорил пегас, но когда в сиянии магии из общего бардака взлетел лист бумаги и перо, а мордочка секретаря осталась серьезной, на всякий случай уточнил. - Селестии, конечно! В Эквестрии уже годы как одна принцесса!

Тайди Скрипт кивнула. Шериф начал диктовать:

- Всемилостивейшая принцесса Селестия... – не выдержав, он пробормотал в сторону, выплескивая раздражение на секретаря. - Право, можно подумать, что Вы форменная тупица... – пегас снова повысил голос. - Так, вчера, в Шорвудском лесу... нет, из Шорвудского... Стоп, с начала.

Тайди с невозмутимым видом прочитала:

- «Всемилостивейшая принцесса Селестия. Право, можно подумать, что Вы форменная тупица...»

- Вздор!.. – взорвался шериф, на мгновение взвившись на дыбы, - Идиотка...

- Ваша Милость, Вы сказали «тупица».

Шериф закричал прямо в мордочку серой единорожке:

- Да *Вы* идиотка! Вот Вы! Форменная идиотка! Моя секретарь – идиотка!

Перо несколько раз чиркнуло по бумаге, и Тайди, на мордочке которой не дрогнул ни единый мускул, по-прежнему невозмутимо сказала:

- Так и написала: «Моя секретарь - идиотка». И с позволения Вашей Милости, в прошлый раз за инициативу Вы изволили меня наказать. Урок усвоен. Больше я ее проявлять не намерена.

Шериф Троттингемский на секунду задумался. Действительно, прошлая инициатива единорожки закончилась тем, что шериф оказался глупцом в глазах городского совета, полчаса пытаясь сымпровизировать там, где все уже было представлено документально.

Вернувшись из ратуши, он в сердцах приказал вкатить пяток плетей излишне рьяной подчиненной. Но пока со двора доносились повизгивания и плач, разобрался и подумал, не извиниться ли: уж больно все гладко выходило. Мало того, что экономились средства, так и усилий по обеспечению питьевой водой удаленного от реки квартала требовалось в разы меньше. А всего-то и надо было, вместо расширения сети водовозов, воздвигнуть акведук с водяным колесом.

Впрочем, желание извиняться тогда быстро пропало. Как и сейчас.

- Дайте сюда, - рыкнул шериф, вырвав пергамент из магического поля, - сам напишу.

- Как скажете, Ваша Милость, - по-прежнему невозмутимо заявила единорожка.

Пегас отошел было к рабочему столу. Конечно, рогописный почерк Тайди был идеален, а вот копытом у шерифа так гладко никогда не получалось. Но сейчас он был слишком раздражен, чтобы диктовать.

Пегас вдруг заметил, что вся поверхность стола была залита чернилами, которые еще не успели высохнуть. И что в этой черной луже плавают когда-то белые гусиные перья...

«Придется воспользоваться столом в городской канцелярии», - подумал шериф и с ненавистью окинул взглядом то, что осталось от его кабинета.

Он шагнул было к окну, но оглянулся и сказал:

- Мне все равно, сколько времени это займет, но здесь должен быть идеальный порядок. В бумагах и вообще в кабинете. И раз Вы впустили сюда диверсантов, мисс Скрипт, то Вы этим и займетесь.

С этими словами он вышел в окно и, расправив крылья, спланировал к городской ратуше. И уже не услышал, как серая единорожка проговорила вполголоса:

- Сатрап крылатый...

* * *

Когда Спектра вернулась в пещеру и сняла плащ с капюшоном, ее вдруг осенило, что же мешало ей последние несколько дней нормально носить шлем.

Радужная грива отросла и теперь, растрепавшись, свесилась на самые глаза.

В очередной раз откинув от мордочки непослушные пряди, кристальная пони подбросила в копыте нож и сказала:

- Я сейчас приду.

Робин не ответил. Едва Дарк Дестроер заметил атамана, как тут же бросился к нему, хвастаясь своими «подвигами» в башне шерифа. По всему выходило, что как минимум половина ополчения сейчас выведена из строя отважным пегасенком.

Спектра только усмехнулась и не стала спорить. Подойдя к глубокому ручью, что весело сбегал со склона горы невдалеке от пещеры и служил источником питьевой воды, она ненадолго задумалась, как все изменилось за последние несколько недель.

Жизнь в лесу, вдалеке от привычного комфорта магической цивилизации, романтична, когда идешь в поход или когда читаешь приключенческий роман. Но отсутствие нормальной кровати, мебели, наконец, горячей воды, раздражало не хуже рыщущих по округе гвардейцев.

И яркая, красивая грива, которой восхищались все, от Грина Васаби, до самого принца Шейда, сейчас больше всего походила на крашенную в разные цвета паклю.

К сожалению, зола от костра и корень мыльника не могли заменить ни шампунь, ни даже простое мыло. Короткую шерстку еще можно было кое-как отмыть, но грива, увы, утратила блеск красок и больше не поддавалась гребешку.

«Надо бы купить шампунь при случае, - подумалось Спектре, - или хотя бы просто мыло».

Спектра, вздохнув, занесла нож, но вдруг раздался низкий голос Крошки Шейда:

- Не надо.

Кристальная пони подпрыгнула от неожиданности и подавила рвущийся наружу испуганный визг. Как такой огромный жеребец умудрялся совершенно бесшумно двигаться? Берег ручья порос густым кустарником, но Крошка Шейд будто материализовался из ничего: ни один листик не дрогнул.

- Что? – выдавила, наконец, Спектра. - Почему?

На морде фестрала вдруг заиграл румянец.

- Они такие красивые... – тихо проговорил он, отводя взгляд, и вдруг предложил. - Хочешь, я заплету тебе волосы?

Ошарашенная Спектра нашла в себе силы лишь кивнуть и протянуть Крошке Шейду свой походный гребешок. По ее мнению, привести в относительный порядок то, во что превратилась грива, можно было в парикмахерской, но никак не среди леса.

Сев ровно, вскоре кристальная пони почувствовала прикосновение к гриве. Грубые копыта фестрала, способные выбить сознание из здоровенного жеребца-земнопони, двигались на удивление аккуратно и умело. Спектра даже поймала себя на том, что щурится от удовольствия.

Как будто и не мешали гребешку больше спутанные патлы. Спектра подумала, что если фестрал сумеет вновь начать дружить с головой, ему даже не понадобится искать призвание в жизни. Любой спа-салон с радостью возьмет такого мастера по уходу за гривами.

- ...Готово, - вырвал ее из раздумий гулкий бас ночного пегаса.

Спектра мельком покосилась на здоровяка и первым делом взглянула в свое отражение. Радужные пряди были заплетены в тонкие одноцветные косички, в свою очередь аккуратно уложенные вокруг головы в каком-то странно-агрессивном, но гармоничном узоре.

- Как ты... Спасибо! – вскинулась кристальная пони. - Это прекрасно!

Фестрал смутился еще больше:

- Это боевая укладка Поющих-в-Ночи, - сказал он, и Спектра вздрогнула.

Про этот орден ночного народа она знала, так как секретарь принца, Бэнши Свинг, как раз состояла в нем.

Входящие в него кобылицы могли творить магию не хуже единорогов, одним лишь звуком своего голоса. Спектра всегда заворожено слушала, как Бэнши Свинг поет при свете авроры на вершине Кристального Шпиля.

- Но откуда ты?.. – начала Спектра вопрос, но на морду Шейда уже вернулось знакомое дурашливое выражение.

- Я не помню, - сказал он. - Я Крошка Шейд, верное крыло в ночи.

Спектра хотела еще что-то спросить, но натолкнулась на глуповатую улыбку фестрала и мысленно махнула копытом.

Видимо, прошлое Крошки Шейда так и останется скрыто тайной забвения.

Подумалось, что и история Робина Хуфа в чем-то схожа.